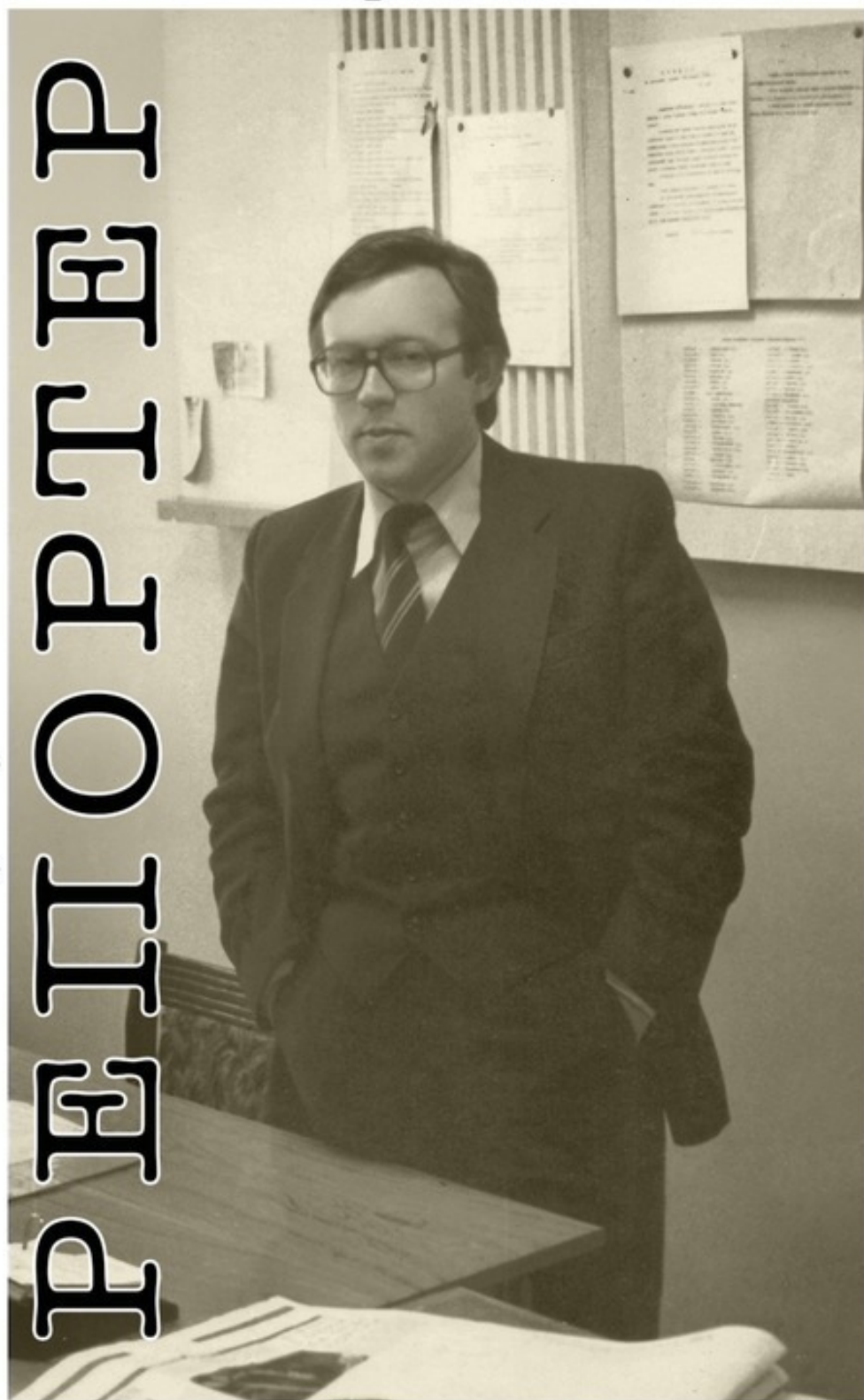

Виктор САВЕЛЬЕВ

Я СУДЬБНЫЙ
РЯПОТЯР

*судебные очерки
и журналистские расследования
разных лет*

Виктор Савельев

**Я судебный репортер. Судебные
очерки и журналистские
расследования разных лет**

«Издательские решения»

Савельев В.

Я судебный репортер. Судебные очерки и журналистские расследования разных лет / В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903788-6

«Судебный репортаж страшнее пистолета!» — предупреждает сборник «Я судебный репортер», где собраны журналистские расследования и судебные очерки автора за разные годы. Этот жанр, действительно, умеет кусаться: ведь некоторые явления и уголовные процессы требовали острого, как скальпель хирурга, слова... Когда-то газеты с этими очерками, статьями сметали из киосков... Но, как известно, газета живет один день. Книга «Я судебный репортер» вновь дарит читателю «документальные детективы» прошлых лет.

ISBN 978-5-44-903788-6

© Савельев В.
© Издательские решения

Содержание

Судебный репортаж страшнее пистолета	6
ПОТРОШИТЕЛИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ	9
Загублена и «порезана на запчасти»	10
Охота за трупами?	11
«Я так радуюсь, когда убивают депутатов...»	13
«ГЕРОИЧЕСКАЯ» БИТВА ЗА ЖИЗНЬ	15
Обобранный старик	15
Мертвые молчат...	16
«Подвиг в пустыне»...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Я судебный репортер Судебные очерки и журналистские расследования разных лет

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4490-3788-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судебный репортаж страшнее пистолета

Введение в книгу

Читатель, ты держишь в руках редкого зверя: судебные очерки и собственные расследования журналиста Виктора Савельева, опубликованные ранее в газетах и собранные в книгу «Я судебный репортер». Сюжеты «газетных детективов» остры и порой ужасны, но в них нет ни грама вымысла: все лица, фамилии и факты реальны.

В 2016 году, к юбилею автора, газета, которой он когда-то руководил, написала: **«Ого, как быстро летит время!.. Вот казалось бы совсем недавно Виктор Алексеевич идет по восьмому этажу Дома печати, где по сей день находится редакция „Молодежной газеты“, с пистолетом на изготовку, а вот прошло уж почти 20 лет. Пистолет, конечно, был газовый, а отбивался главный редактор от бандитов. Да, по нынешним временам это трудно представить, но в конце 90-х в редакцию приходили реальные криминальные элементы и разговаривали с редактором с глазу на глаз. Но Савельева было так просто не напугать. Наоборот, это его еще больше раззадоривало. А вообще всем запомнилась его крылатая фраза: если на газету не подадут в суд хотя бы раз в месяц, значит, в издании что-то идет не так».**

Тут автор книги улыбается: приятно слыть в легендах ковбоем! Действительно, в «бандитские 90-е» одна из редакций выдала ему и всем корреспондентам газовые пистолеты для самообороны. Но главным оружием автора все же была авторучка. Она убойней пистолета, если «пулями» судебного репортера являются поиск истины и принцип «Не прогибаться!» ни под чьи влияния. Именно предельно объективное журналистское расследование в рамках судебного процесса и вне его отличает настоящий честный очерк на тему криминала от «слива компромата», выданного за «независимую журналистику», и заказных статей в СМИ...

Собранные в книгу «Я судебный репортер» газетные публикации – ныне своего рода «машина времени», ибо они охватывают почти 30-летний период. «Если хочешь узнать правду об эпохе Людовика XIV, полистай газеты тех времен!» – сказал кто-то проницательный. В собранных в книгу публикациях автора отразились – что уж греха таить! – и категоричность подходов жесткого советского времени, и безумство «лихих» 90-х годов, и бездушие нынешнего века. По нынешним меркам, что-то в старых газетах наивно и не толерантно... Но читателя, помимо острых сюжетов, ждут открытия и совсем уж неожиданные аналогии, ибо болезни сегодняшней Фемиды идут из тех далеких годов и никуда не исчезли.

И невольно задумается иной читатель, мчась в газетной «машине времени» по прежним десятилетиям, почему в «тоталитарном», казалось бы, СССР от судей требовали гласности и выездных заседаний народных судов в трудовых коллективах и клубах, а ныне Фемида не жалуется журналистов, как и люди с повадками рейдеров, делящие собственность в тиши судебных залов...

Конечно, репортер должен уважать суд, но не подобает ему писать, заглядывая судье в рот: у суда свой взгляд на преступления, а у журналиста – собственное исследование обстоятельств дела и атмосферы судебного зала. Для суда пустой звук 10 заповедей, «достоинство-правда-справедливость»: он следует «букве закона», на скрипке морали не играет. Была, к примеру, в УК РСФСР статья «за тунеядство» – по ней суд сажал уклонявшихся от труда граждан. Убрали статью из закона – и для суда прежний «злостный тунеядец» ныне чист, аки агнец. Никакой цели, кроме квалификации деяний по статьям кодексов, судебное следствие обычно не ставит.

У журналиста иная миссия: дать в заметках из суда такое «зеркало жизни», в котором отразится нечто морально важное и значимое для общества – при этом суд является лишь пово-

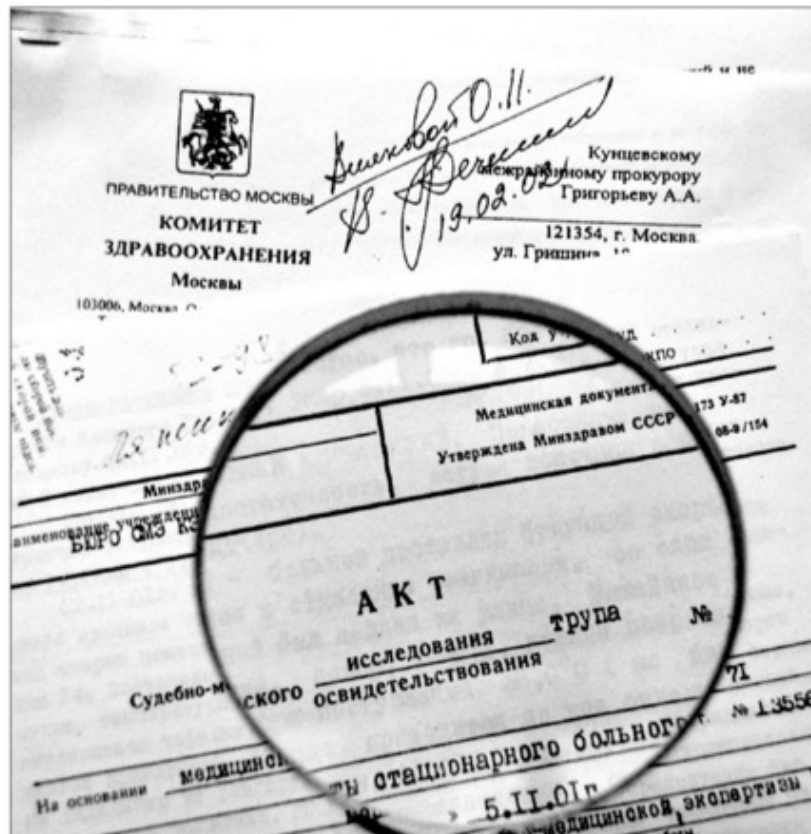
дом для исследования газетчиком общественных отношений и пружин преступлений. Зачастую анализ профессионального репортера бывает шире и глубже судебской узости.

Вот пример понимания автором «сверхзадачи» судебного очерка («сверхзадача» – термин К. С. Станиславского для обозначения главной цели, ради которой ставится пьеса). В 80-х годах в газетах был опубликован портрет хлебороба-хозяина полей. Передовой председатель колхоза стоял среди пшеничного поля, разминая в ладонях налитые зерном крупные колосья. Фотокорреспондент удачно передал в кадре рачительность трудового человека, передовика-современника, его любовь к земле, доброму урожаю... В 90-х этот знатный хлебороб из газетной передовицы в сговоре с такими же руководителями-хозяйственниками убил с помощью киллера и гранаты «Ф-1», более известной как «лимонка», нового главу района, вмешавшегося в местный дележ агрокомплекса.

Вышедший в газете снимок и сейчас лежит в архиве автора книги, хотя именно на этот судебный процесс ему не довелось попасть. Но что случилось с обществом, если любящий землю знатный хлебороб, герой передовиц, переродился в убийцу? И что случилось со всеми нами, если в зеркале суда стали отражаться безумные явления?

Вот на такие вопросы должен пытаться ответить судебный репортер в заметках из судов. Потому что больше на них отвечать некому...

ЖУРНАЛИСТСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

ПОТРОШИТЕЛИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

**ОНИ МОГУТ ИЗЪЯТЬ ЗДОРОВЫЕ ОРГАНЫ
ЧЕЛОВЕКА БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РОДНЫХ**

Загублена и «порезана на запчасти»

В ту ночь, 3 сентября, Ларисе Ивановне снился сон, будто в их квартире учинили перепланировку. Во сне квартира Наседкиных была вверх дном, а на месте кухни зияла черная яма...

– Это к несчастью, – сказала она утром мужу. В ту тревожную ночь дочь Инна не ночевала дома, даже не позвонив, чего прежде не было. В восемь утра затрещал телефон. У Ларисы Ивановны затряслись руки: сообщили, что дочь без сознания после аварии увезена в Московскую городскую клиническую больницу №1...

Авария была странной. Инна получила черепно-мозговую травму, переломы 5 ребер, костей таза и черепа, а сидевший за рулем машины бывший работник правоохранительных органов даже «скорую помощь» не вызвал...

Однако речь мы поведем не только о нелепой смерти 22-летней девушки. Нехорошими были обстоятельства, сопровождавшие эту смерть в стенах Первой клинической больницы. Единственный койко-день, прожитый здесь Инной в состоянии комы, Лариса Ивановна носила лекарства в реанимационное отделение, пробивалась к врачам. К вечеру ее отправили домой, велев о состоянии дочери справиться утром...

В тот же вечер к ней домой позвонил зам. директора фирмы, где подрабатывала Инна:
– Я узнал, что по поводу Инны в отделении намечается консилиум врачей...

Знать бы ей, какой консилиум был уготован... На следующее утро, когда Лариса Ивановна примчалась в отделение, ей объявили, что ночью ее Инна умерла... Потом долго ввали, что труп отправлен в морг. Но она почуяла, что это не так, по репликам и взглядам медсестер и умолила показать ей девочку. Инна лежала на каталке. Дежурный врач, откинувший покрывало с лица покойной, не убирал руку, чтобы простыня случайно не обнажила тело и грудь... Откуда было знать Ларисе Ивановне, что ее дочь лежит выпотрошенная, как рыба, – у нее были изъяты внутренние органы...

Охота за трупами?

Страшную правду Наседкины узнали случайно. Через пару месяцев после похорон Лариса Ивановна поехала к очередному следователю, к которому переключалось вялотекущее дело по ДТП.

– А вы знаете, Лариса Ивановна, – в конце беседы спросил следователь, – что у вашей дочери были изъяты почки?

– Я что-то не понимаю... – только и смогла выдохнуть она. – Вы хотите сказать, что врачи использовали мою девочку как донора?..

Акт об «изъятии», показанный ей, поплыл перед глазами.

– Скажите спасибо, что он случайно ко мне попал из архива, – говорил следователь, делая ксерокс. – Обычно такие бумаги даже не показывают...

Так по недосмотру архивщиков Л. И. Наседкина стала одной из немногих матерей, до которых дошла информация о практике негласного изъятия органов в наших больницах.

Журналистское расследование в газете «Мир новостей» было подкреплено снимками документов.

Обычно негатив вокруг трансплантации списывают на выдумки журналистов. Недавно бой «мифу о торговле почками» дал профессор Андрей Акопян, директор Центра репродукции человека:

– Ни в годы советской власти, ни после нее в нашей стране ни одного суда на этой почве не было. Нет ни одного дела, не задержано ни одного незаконно изъятого органа...

Изъятие у молодой студентки Инны Наседкиной ее двух почек с надпочечниками, 1/2 части селезенки и 1/10 печени по «Акту об изъятии органов у донора-трупа для трансплантации» Московского координационного центра органного донорства от 5 сентября 2001 года тоже вроде бы оформлено с соблюдением внешней законности. Однако совершенно незаконно изъятым органом являются понадобившиеся кому-то мочеточники. Ибо ни в «Перечне органов человека – объектов трансплантации» Минздрава РФ (приложение №1 к приказу №448/106), ни в более ранних подзаконных актах мочеточников уж точно нет. Будут ли когда-нибудь искать реципиента, которого «выручила» девочка?

Профессор Акопян прав: «Втихаря под мышкой что-то принести, на квартире дяди Вани кому-то пересадить и взять деньги – это абсолютно невозможно». Да и к чему – разве нет отработанного Минздравом тихого конвейера в официально утвержденных клиниках, который на благородную ниву излечения пациентов бросает сотни порезанных трупов? 90% из них – это как раз жертвы автокатастроф молодого возраста вроде Инны.

Вот один фонд в Интернете обращается к толстосумам за рубежом: «Люди, нуждающиеся в пересадке органов и не имеющие возможности получить их в своей стране, могут сделать операцию в России... Стоимость операции от 30 тысяч долларов и выше... Срок поиска органов от одного до шести месяцев». Цели фонда, разумеется, благородны: спасти богатых и больных. А на оборотной стороне медали – сплошные хлопоты с донорами... Про которых другой центр, пересаживающий почки, откровенничает: «Человек должен быть достаточно здоровый и молодой, с хорошей функцией почек. Умереть он должен в узком кругу больниц Москвы и Московской области, которые имеют разрешение на диагностику смерти мозга и изъятие донорских органов...» Специалисты центра сокрушаются, что, мол, очередь желающих получить донорские почки год от года растет, а количество доноров – вот досада! – остается прежним...

В этих условиях в «узкий круг больниц Москвы и Московской области» попадать становится неприятно. В 90-е годы, когда система пополнения банка органов за счет жертв автокатастроф только складывалась, в печать просочилась информация о надбавках к окладам работников реанимационных отделений за помощь Московскому координационному центру органного донорства в поисках погибших «доноров». Один из врачей – А. Мироненко, высказался: «Дилемма встает перед медиками: выводить за свою скромную зарплату пострадавших в авариях из терминального состояния или за весьма существенную надбавку содействовать изъятию органов?!». В группе риска, как всегда, незащищенный пациент вроде Инны, у которой мама – простой рабочий на стройке. Таких не будут спасать годами за счет «систем жизнеобеспечения», как генерала Романова в коме...

Немудрено, что мать погибшей девушки Л. И. Наседкина не верит реаниматорам:

– На Инну в больнице сразу смотрели как на готового донора: почки – молодые, сама при смерти...

...Поражает слаженность закрученной в ночь с 4 на 5 сентября 2001 года операции по забору органов Инны. В 6.40 утра она умерла (по акту комиссии ГКБ №1 и «смежников») – в удобное время, когда родственников нет в больнице. Уже через 20 минут (!), то есть в 7.00 по акту, вызванные хирурги бригады Московского координационного центра органного донорства Смирнов Л. Я. и Милосердов И. А. приступили к изъятию органов, чтобы увезти их «теплыми». Возникает вопрос: когда же они прибыли в больницу, когда руки в перчатках успели приготовить, инструмент?

Удивительно, что в 6.40 утра на месте оказались и судмедэксперт, и заместитель главного врача ГКБ №1 – словом, все необходимые для подписания нужных бумаг должностные лица. Если же это не так и хирурги под утро кромсали внутренности Инны без их ответственных подписей, а подписи делались задним числом, всю команду впору объявить преступниками. Остается только предполагать, что подписавшая акт комиссия должностных лиц всю ночь не уходила домой, терпеливо дожидаясь констатации смерти мозга донора. Вот уж воистину как в песне: «Служба – дни и ночи...»

«Я так радуюсь, когда убивают депутатов...»

Как человек верующий и оскорбленный надругательством над дочерью, Л. И. Наседкина, разумеется, пошла в прокуратуру: «Врачи скрыли изъятие почек... Действия провели без согласия родителей на трансплантацию...»

– Да нет, внутренние органы изъяли по закону, – сказали ей там две дамы, полистав кодексы. – Вот если ваша дочь была бы несовершеннолетней... А в 22 года она сама за себя отвечала...

– Как же она отвечать могла, если так и не пришла в сознание! – утерла слезы Наседкина.

С тех пор у нее накопилась стопка ответов, объясняющих, что такое «презумпция согласия на изъятие органов» по статье 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 года. Статья эта развязала руки «охоте за трупами», потому что больницы стали «по умолчанию» вырезать органы после смерти у пациентов, если сами больные при жизни или их родственники не уведомляли врачей о своем несогласии с изъятием.

На что уж бесчеловечно обманули Ларису Ивановну в больнице! Отправили домой, предвидя вызов трупных хирургов-«изыmateлей» (с 18.50 признаки смерти мозга Инны искал тот самый «консилиум» нейрофизиологов). От матери забор органов утаили. Не звонили по названному им домашнему телефону. Боялись показать искромсанный труп... А с точки зрения антигуманного закона это бесстыдство не противоречит «презумпции согласия»! Заместитель Замоскворецкого межрайонного прокурора Москвы, советник юстиции А. Ю. Почтарев так и пишет Ларисе Ивановне в вынесенном им постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела: **«На медицинский персонал больницы не возложена обязанность сообщать родственникам пациентов о возможном изъятии органов трупа для последующей трансплантации. Родственники Наседкиной И. Н. медицинский персонал больницы о своем несогласии на изъятие органов не уведомляли...»** Это и есть законная депутатами в интересах медицинского лобби «неиспрошенность согласия».

– Выходит, нужно расписку в кармане носить, что ты возражаешь против изъятия твоих почек! – говорит один из правозащитников, мечтающих отменить упомянутую статью 8 через Конституционный суд РФ. – Только где гарантия, что при бессознательном состоянии твою расписку не вынут из кармана и не порвут? А кто из родственников при свалившейся беде помнит о «презумпции согласия»?.. Назовите хоть одного пациента, который вообще об этом законе знает...

Не беремся произносить фамилию этого «донкихота» – ведь, добиваясь отмены неконституционной нормы, он намерен «подрубить» статью, на которой держатся «заготовки органов» для операций на миллионы долларов... А в России и за меньшее башку снесут. Утешает лишь то, что законы – как дышло. Есть еще и Федеральный Закон «О погребении и похоронном деле» 1998 года, где статья 5 «Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти» прямо указывает на обязательность нашего **согласия или несогласия** на изъятие органов и вообще на любое патологоанатомическое вскрытие. Причем в таком случае, как с Инной, право на разрешение этих действий за беспамятного пациента имеют его родственники.

Об этом, однако, советник юстиции А. Ю. Почтарев не сообщил Ларисе Ивановне ни слова. Характерно, что ни один прокурор не пригласил на беседу мать, писавшую им об ущем-

лении прав. Не удивляет после этого отсутствие юридических дел вокруг сомнительных манипуляций с «донорами»: потерпевших не защищает никто.

Даже единственный закон, отстаивающий права человека на достойное отношение к нему после окончания жизненного пути, подвергается атаке известных сил. В 2002 году сайт «**an.ru**» сообщил об инициативе депутата Госдумы Т. Астраханкиной по устранению противоречий между законами «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и «О погребении и похоронном деле». Последний – как кость в горле у трансплантологов. Вот почему Астраханкина предлагает дополнить в нем мешающую статью 5 «О волеизъявлении лиц...» поправкой, позволяющей изымать органы из тел умерших граждан с разрешения главных врачей медучреждений – без всяких там сантиментов. Если подобные поправки пройдут с депутатской помощью, наши тела будут полностью отданы Минздраву, но уже на стопроцентно законных основаниях, без нестыковки юридических норм. И вопрос о каких-то правах лиц и уголовных делах по трансплантации отпадет сам собой.

...А Лариса Ивановна все не может успокоить нервы.

– Знаете, – говорит она, пряча в альбом последнюю фотографию Инны, – я так радуюсь, когда убивают депутатов! Пусть и они заплатят за то, что такие законы приняли. Когда я читаю в газетах, что в кого-то из них стреляли, мне хоть на миг становится легче на душе...

...Страшно, когда людей доводят до такой ненависти.

Виктор Савельев.

Источник: газета «Мир новостей», 28 января 2003 г., №5 (475)

«ГЕРОИЧЕСКАЯ» БИТВА ЗА ЖИЗНЬ

Обобранный старик

Вот такая история. У московского доктора медицинских наук Кречиной пропал отец Константин Михайлович, 75 лет, приехавший с Украины подлечиться. Вы ведь знаете стариков? Выйдут на улицу – и заблудятся. А Константин Михайлович в Москве не был 10 лет... Ушел он 25 октября (речь идет о 2001-м году) со 100 рублями в кармане и орденом да медалью «За отвагу», которые никогда не снимал. И даже тех наград на память не осталось...

В панике Елена Константиновна подала в розыск, звонила в больницы и объявление дала в «Московский комсомолец». Вся надежда была у нее на родную медицину. Дескать, упадет где-нибудь старик – а уж медики-то точно мимо не пройдут. На прохожих надежды не было. Константин Михайлович из-за болезни горла сипел, как бомж. А кто ж его такого слушать-то будет?

И надо же такому случиться: через 7 дней Константина Михайловича нашли! На Фрунзенской набережной охранники ресторана позвонили в «скорую»: мол, поблизости три часа лежит человек. На «скорой» пожилого пациента доставили в городскую клиническую больницу №71. Ему бы теплое белье, горячего чаю или бульона да капельницу на ночь – глядишь, и ожил бы человек... Но Константина Михайловича, мокрого и грязного, наутро опять подбирают на улице – уже без медали и ордена Великой Отечественной войны II степени, с которым 1 ноября его привозила фельдшер «скорой» Клыквова. И подобрали обобранныго старика – где бы вы думали? В 15 метрах от ворот той больницы, куда доставляли его накануне. Лежал Константин Михайлович, ветеран Победы и инвалид, неподалеку от больничной проходной, где дежурят круглую ночь. «Почему его не заметили? – с досадой говорит юрист общественной Лиги защитников пациентов, разбиравший дело. – Впечатление такое, что не мог он здесь пролежать незамеченным до утра, а его просто вынесли за ворота...»

Умер ветеран позднее, не придя в сознание: добила его ночь в 15 метрах от больницы. Так что рассказ наш о медицине и о том, какие здесь порядки...

Так выглядит публикация в газете «Мир новостей».

Мертвые молчат...

Официальная версия такова. Инвалид 2-й группы Кречин Константин Михайлович, 1926 года рождения, днем 1 ноября 2001 года был доставлен в ГКБ №71. «В экстренной госпитализации не нуждался», находился с диагнозом «алкогольное опьянение» в приемном отделении 11 часов (!), после чего травматолог Цепков в истории болезни №3695 от 01.11.2001 г. сделал запись: **«22.50. Больной в сознании, контактен, адекватен, ориентирован... Больной протрезвел...»** Через пять минут после выводов Цепкова пациент якобы исчез. **«В соответствии с записью в истории болезни больной самостоятельно покинул отделение в 23.00 01.11.2001 г.»**, – пишет в объяснении прокурору первый зам. председателя Комитета здравоохранения Москвы С. В. Поляков.

Наутро в 200 метрах от отделения, но юридически за пределами больничного городка ветерана Кречина находит без сознания анонимная женщина с собакой. Снова вызывается «скорая», больного снова привозят в больницу через те самые ворота, где он и умирает в реанимации 5.11.2001 г.

Заметим, что факт первой доставки старика в ГКБ №71 так бы и не всплыл, прикрытый вторым вызовом «скорой помощи» 2.11.2001 г. Но как на грех сработало газетное объявление о розыске в «Московском комсомольце».

– По объявлению мне позвонила фельдшер «скорой помощи» Мария Михайловна Клыкова. Это она 1 ноября в первый раз увозила отца с Фрунзенской набережной, – рассказала дочь. – Отец был найден в промокшей одежде, не мог двигаться самостоятельно. Он, видно, давно не ел, что повлекло мозговые нарушения – не смог назвать адрес, сказал лишь фамилию. Кстати, именно Клыкова сделала запись «запах алкоголя», за которую потом рьяно ухватились в больнице, превратив ее в «алкогольное опьянение». На самом деле у отца из-за ракового заболевания горла шел изо рта специфичный ацетоновый запах, а к спиртному он не притрагивался 20 лет...

Объявившаяся по газетной заметке фельдшер Клыкова, похоже, единственная, кто оказал помощь инвалиду: ввела поддерживающий препарат, отвезла в больницу №71 для госпитализации с диагнозом «переохлаждение». Там у нее и произошел конфликт. Зав. реанимационным отделением, слегка пощупав старика: «Да он же теплый!» – принять его отказался. Из приемного отделения, куда Клыкову отправили с пациентом, она не уезжала в течение трех часов. Звонила вплоть до старшего врача «скорой» в Склифосовском, доказывая тяжелое состояние старика. В конце концов ветерана согласились оставить в приемном отделении для дальнейшей госпитализации при условии, что диагноз «переохлаждение» вредный фельдшер снимет. По словам Клыковой, она оставила Кречина на носилках в коридоре, поскольку тот не мог встать. Как мы знаем, после отъезда фельдшера «спорного» старика в палату не положили. На вопрос, по какой причине, заведующий приемным отделением Веселов ответил Елене Константиновне:

– Вы понимаете, у нас тут по 50 бомжей в день привозят. Они у нас спят, отсыпаются и утром уходят...

Из всего этого вытекает, что целых 11 часов беспомощный старик лежал в мокрой одежде в приемном отделении, где его не кормили и, как установило предварительное исследование

по запросу прокуратуры, не оказали медицинской помощи. Как он, не евший несколько суток, в 11 часов ночи оказался за дверью отделения? Сам ли ушел после «взбодрившего» укола «на дорогу» или кто-то, польстившись на орден и медаль, снял их и вытолкнул «адекватного и ориентированного» старика за дверь? Мы не узнаем этого: мертвые молчат.

Не дали узнать ничего и Елене Константиновне, примчавшейся в реанимацию после звонка из милиции. Поразительней всего, что после повторной доставки отца в ГКБ №71 в бессознательном состоянии, ей – не последнему в медицинских кругах человеку и ученому секретарю ЦНИИ стоматологии – даже не дали пяти минут посидеть у постели умирающего отца. Может, боялись, что очнется и все расскажет? Елена Константиновна считает, что причина могла быть иной:

– Я умоляла дать побыть в последнюю ночь с отцом, узнав, что до утра он не доживет... Мне отказали в резкой форме – выгнали за дверь! Вероятно, напугались, что у «бомжа» объявилась дочь – доктор медицинских наук. Подозреваю, что всю «историю болезни» переписали и подтасовали ночью после моего ухода. Отсюда записи про якобы сделанные осмотры, о том, что отец «протрезвел», «контактен», «сам ушел», ведь если бы он действительно был в контакте, то назвал бы им мои телефоны, адрес, который так и не проставлен в медкарте... Поначалу я не знала: почему мне не хотят показать тело умершего отца? После догадалась – боялись, что я на вены посмотрю: а были ли там капельницы? А мне не до вен было, такое горе...

«Подвиг в пустыне»...

Надо сказать, что в силу знакомств до ЧП доктор медицинских наук Кречина с нашим городским здравоохранением не сталкивалась. А потому не встречалась, как мы, с хамством и яростью, с которой ощетиливается система, когда ей наступают на мозоль. А тут ей дали по полной программе, сотворив диагноз «пьяного пациента» ввиду «запаха изо рта, заторможенности и неадекватности поведения».

– Мне с самого начала сказали: «Куда ты лезешь, отступись! До 71-й больницы ее главврач Хрупалов в городском комитете работал и представлял его сторону во всех судебных тяжбах с больными... Эту стену не пробьешь...» – рассказала дочь.

Как водится, скептики были правы. Кунцевская прокуратура Москвы отправила жалобу в Комитет здравоохранения Москвы, тот рапортовал, что **«главврачу Хрупалову поручено принять меры»**, а про отца Кречиной указали, что **«при анализе медицинской документации не обнаружено данных о невозможности больного самостоятельно передвигаться»**

«Вместе с тем, – рапортует прокурору первый зам. председателя комитета С. В. Поляков, – медицинский персонал приемного отделения в течение 11 часов принимал все необходимые меры для установления точного диагноза».

От этого ответа остается впечатление большой и кропотливой работы, которую проделало ведомство, чтобы не допустить возбуждения уголовного дела. Чтение «мер» поражает озарениями умов. И рентгены-то с ЭКГ в приемном отделении делали, и осмотры вели – вот только с пациента мокрую одежду почему-то не сняли и не умыли его. В акте судебно-медицинского освидетельствования умершего Кречина К. М. так и сказано: «Тело грязное, неухоженное...»

А вот объяснения выездной бригады, подобравшей ветерана, по их свидетельству, якобы «в 15 метрах от ворот проходной на территорию ГKB №71»:

«С самого начала у меня сложилось впечатление, что этот вызов будет скандальным», – с гениальным провидением пишет в объяснении врач неотложки Н. Сафина. Ее напарница – фельдшер Н. Буденкова – рисует «героическую» сцену битвы за жизнь пациента. Вот ветерана осмотрели, послушали сердце и решили тут же в машине поставить капельницу (хотя больница, заметьте, через 15 метров за воротами!). Раствор реополиглюкина в машине (ноябрь все же!) оказался холодным. «Пока Сафина осматривала Кречина, я подогрела раствор около печки», – докладывает о преодолении трудностей – в двух шагах от стационара – старательный медик. Прямо не выезд, а подвиг в пустыне или тайге, где один врач сделал операцию при свете лучины осколком стекла от разбитых часов! А между тем, подобрав Кречина, «скорая помощь» оставалась на выезде в больницу еще час. Что задержало ее, когда до дверей реанимации минута езды? Не знали, что «нарисовать» про «скандальное» обнаружение пациента в зоне ГKB, держали «совет в Филях»?

Мы с фотографом, кстати, осмотрели место близ проходной, где, по официальной версии, лежал Кречин. Мимо этого пяточка при повороте с Можайского шоссе то и дело снуют машины «скорой», выхватывая газон фарами – старика, скорей всего, увидели бы водители или охрана. «Когда отец умер, зав. приемным отделением проговорился, что отца подобрали

возле соседнего корпуса, – утверждает Елена Константиновна. – Хотя я в шоке была, но память у меня, слава Богу, отменная...»

Кстати, об охранниках у двери приемного отделения, которая должна запирается на ночь. Ни один из них по делу Кречина К.М не был опрошен Кунцевской прокуратурой. По странному стечению обстоятельств один из стражей, дежуривший в ту ночь, уволился сразу после ЧП. Другой – с паузой в месяц или два. Какой-то мор напал в больнице на тех, кто «ни в чем не виноват» и делал «все возможное». Тихо ушел из больницы травматолог Цепков, сделавший в 22.50 запись, что больной «контактен, адекватен и ориентирован», но не сумевший объяснить, почему не заполнил с его слов медкарту. На суде по гражданскому иску Елены Константиновны к больнице этот «специалист» не мог ответить на элементарные вопросы о роковом дежурстве и своей роли, лишь мычал. «Вы можете не свидетельствовать против себя!» – милостиво пришла на помощь судья Павлова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.